

НАСЛЕДНИКИ КОМИНТЕРНА: РОСПУСК КОМИНФОРМБЮРО И СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ СИСТЕМЫ ПОДЧИНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ ИНТЕРЕСАМ СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКИ. 1955–1964 ГГ.

ТЕЙМУР АГАБАЕВИЧ ДЖАЛИЛОВ

13 апреля 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О прекращении деятельности Информбюро», во исполнение которого 18 апреля «Правда» опубликовала текст информационного сообщения о прекращении деятельности Коминформа и редакционную статью с характерным названием: «Важное решение». Констатируя, что создание в 1947 г. Информбюро «сыграло положительную роль в устранении разобщенности между компартиями, образовавшейся после роспуска Коминтерна», «в деле развития и укрепления братских связей и взаимного обмена опытом» между компартиями, «усиления влияния компартий в массах», «Правда» преподносила роспуск Коминформа, как новое достижение в развитии мировой системы социализма, продиктованное «необходимостью привести формы связей и сотрудничества между коммунистическими партиями в соответствие с изменившейся исторической обстановкой».

К моменту официального роспуска Коминформ уже давно прекратил активную деятельность: после ноября 1949 г. совещания Коминформа не проводились, а после ноября 1950 г. не состоялось ни одного заседания Секретариата Информбюро.¹ Выстраивая взаимоотношения с пришедшими к власти в Центральной и Юго-Восточной Европе коммунистическими партиями Сталин пошел по пути их жесткого подчинения Москве. Весь партийно-государственный аппарат социалистических стран был про-

1 Адибеков, Г. М.: Коминформ и послевоенная Европа. Москва 1994.

низан институтом советских советников,² советским послам отводилась роль чуть ли не «наместников», а нити управления сходились в аппарате ЦК ВКП(б), в созданной 12 марта 1949 г. Внешнеполитической Комиссии ЦК ВКП(б), получивший очень широкие полномочия и просуществовавшей, после преобразования в Отдел ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран, по сути до конца существования Советского Союза. В рамках brutальной сталинской системы подчинения компартий социалистических стран Коминформу просто не оставалось места и, по меткому замечанию Г.М. Адиебекова начиная с 1951 г., «отойдя от активной деятельности, Коминформ стал хиреть и чахнуть. Он все более и более играл лишь роль международного передаточного почтамта».³

Вместе с тем, судя по всему, будучи не довольным деятельностью Коминформа, И. В. Сталин прорабатывал различные варианты создания новых форм многостороннего сотрудничества стран народной демократии, не исключая возможности смещения акцентов в пользу экономического взаимодействия в рамках созданного в 1949 г. СЭВ. Как показывает Протокол переговоров в Кремле представителей шести стран, организаторов Совета экономической взаимопомощи с участием от 8 января 1949 г. И. В. Сталина высказался на этот счет вполне определенно: «Если мы сами будем производить сырье, Европа пойдет за нами. Нужно обеспечить древесным углем Италию, нужно поставлять в Италию и Францию хлопок. Когда мы начнем поставлять базовое сырье всем европейским странам, диктат Америки в Европе рухнет. Нужна помощь Франции. У нас есть план и перспективы на 10 лет. Нигде в западной Европе не может быть революционного движения, пока работники будут бояться, что останутся без угля, хлопка и других видов сырья, если их страна отпадет от Америки. Этот страх нужно устранить, а затем двигаться вперед более решительно. Он [страх] просто преследуют их. Италии нужен уголь. Мы можем ее поставить? Да, мы можем. Зерно необходимо Европе: 7–8 мил. тонн. Мы можем его поставить? Мы тоже можем. Дизельного топлива также будет достаточно. Создание сырьевой базы для всей Европы будет иметь большее значение, чем Коминтерн».⁴

2 См.: Волокитина, Т. В. – Мурашко, Г. П. – Носкова, А. Ф.: Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа: 1949–1953: Очерки истории. Москва 2002.

3 Адиебеков, Г. М.: Почему Тольятти не стал генеральным секретарем Коминформа. Вопросы истории 1996, № 4., с. 161

4 Kaplan, Karel: Československo v RVHP 1949–1956. Praha 1995, s. 239.

Преемники Сталина также не предприняли серьезных попыток активизировать деятельность Коминформа, а нормализация советско-югославских отношений в 1955 г. свидетельствовала о том, что дни Коминформа сочтены. Влияние «югославского фактора» на позицию советского политического руководства в отношении будущего Коминформа подробно описана в работах А. С. Стыкалина.⁵ Вместе с тем, хотелось бы акцентировать внимание на том, что начавшиеся советско-югославские переговоры прежде всего наглядно демонстрировали намерение нового советского лидера идти по пути преодоления сталинского наследия.

В ходе визита в Югославию 26 мая–3 июня 1955 г. Н. С. Хрущев выскажетя вполне определенно: «Мы отказались от всего, что было... Товарищи, как я уже сказал товарищу Тито в автомобиле, у нас был тяжелый период. Товарищи, вы, югославские руководители, руководители Коммунистической партии Югославии и своего народа, не можете даже представить, какой это был тяжелый период, и какую роль сыграл там Берия. Я понимаю, что вы задаёте вопрос, а что вы?, ну, если можно так сказать, русские коммунисты и коммунисты СССР, сейчас хотите прикрыться Берией и Абакумовым, а где вы были? Да, товарищи, мы, и были там, где и вы знаете, где мы были... Мы тогда много потеряли, и притом честных и хороших людей. И что произошло? Сейчас мы тысячи людей освободили из лагеря, и это наших людей. Некоторых из них, причём большинство, мы снова вернули недавно, вернули в партию».⁶ Во время бесед с И.-Б. Тито советский лидер выступит с осуждением сталинских методов руководства компартиями социалистических стран: «Товарищи, мы сопротивлялись тому, чему и вы здесь сопротивлялись. – обращался Хрущев к членам югославской делегации. – Мы знаем также, что наша служба государственной безопасности вербовала ваших людей. Я это определённно знаю. Вербовала даже генералов. И какие же это дружеские отношения, когда один друг вербует среди своих друзей? Какие могут быть отношения? Когда в 1948 году Сталин меня позвал в Ливадию, там в это время был Готвальд, и мы там беседовали. Тогда он (Готвальд) обратился к Сталину: «Ваша служба государственной безопасности вербует наших людей. Зачем вам это нужно, вы скажите, если вам что нужно, и мы

5 См.: Стыкалин, А. С.: Руководство КПСС в поисках новых механизмов влияния на мировое коммунистическое движение. От Коминформбюро к первому большому московскому совещанию компартий (весна 1956–осень 1957 г.). Ин: «Наследники Коминтерна». Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь, 1957 г.). Документы. Москва 2013.

6 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. В 2 т. Том 1: 1946–1964. Москва 2014.

вам это отправим, и это нормально».⁷ О серьезности намерений Хрущева подвергнуть ревизии методы политики СССР в отношении стран «народной демократии» свидетельствовало состоявшееся в феврале 1954 г. на Президиуме ЦК КПСС обсуждение работы посла СССР в Польше Г.М. Попова, который, как отмечалось в соответствующем постановлении Президиума ЦК КПСС, «нарушил указания ЦК КПСС и Советского правительства о недопустимости какого-либо вмешательства послов СССР во внутренние дела народно-демократических стран и пытался взять на себя функции контроля за деятельностью ЦК ПОРП и Польского правительства», позволял себе произвольное толкование советов ЦК КПСС по вопросам государственного и партийного строительства, допускал «высокомерное отношение к польским товарищам», что «могло нанести серьезный ущерб советско-польским отношениям».⁸ Попов был отстранен от должности, а в постановлении Президиума ЦК КПСС указано на недопустимость превышения послами дипломатических полномочий, их вмешательства во внутренние дела стран пребывания, в дальнейшем будет ликвидирован и институт советских советников в странах Восточной Европы.⁹

У участников советско-югославских переговоров 1955 г. не могло остаться сомнения: в борьбе за укрепление своей власти Хрущев сделал ставку на то, что вскоре, на XX съезде КПСС, получит название «борьбы за преодоления культа личности Сталина и его последствий». Теперь от успешности процесса десталинизации зависело политическое, а возможно и физическое, выживание советского лидера, что хорошо сознавалось не только самим Хрущевым, но и его окружением. Об этом свидетельствуют слова одного из членов советской делегации, сказанные во время советско-югославских переговоров 1955 г.: «Однажды прочитают в нашей стране: приехали Хрущев, Булганин, Микоян, Шепилов, Громыко, Кумыкин и другие товарищи. Что это? Может быть, они сами предают позиции. Может быть, они сами продались. Потому что мы ведь уже ранее сказали, что вы продались – только цены не знаем, не знаем, сколько вы получили за это, значит, мы тоже пошли с вами, нам тоже перепало. Необходимо не только чтобы мы поняли, но необходимо, чтобы нас и наш народ, и партия понимали».¹⁰

7 Ибидем.

8 Президиум ЦК КПСС. 1954–1958. Т. 1–3. Главный редактор академик А. А. Фурсенко. Москва 2003–2008; Т. 2. Постановления ЦК КПСС. 1954–1958. Москва 2006, с. 25.

9 Подробно об этом см.: Волокитина, Т. В. – Мурашко, Г. П. – Носкова, А. Ф. – Покивайлова Т.: Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949–1953): Очерки истории. Москва 2002.

10 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг.

Однако разъяснить партии и народу какова новая концепция взаимоотношений КПСС с «братскими партиями» было весьма проблематично, так как четкого понимания этого не было и у самого советского руководства. Показательно, что на прямой вопрос члена Исполкома ЦК КПЮ Вукмановича: «...на каких позициях стоят товарищи по вопросу отношений между социалистическими странами.... я хочу поставить вопрос об отношениях, т.е. хочу связать вопрос о доверии Советскому Союзу со стороны других социалистических стран и социалистических масс в других странах.... Я допускаю, что это все было так, как сказано, т.е. что Берия все сфабриковал, допускаю, что все это было правдой. Означает ли это, что одно социалистическое движение должно так поступать с другим социалистическим движением, которое действительно на таких позициях, которые против нас сфабрикованы.... Предположим, что исходя из того, что это точно, и что такая ситуация, что в одной стране произошел бухаринский уклон, станете ли вы угрожать этой стране войной? Станете?» член советской делегации смог лишь цинично заметить: «Этот вопрос означает: можете ли вы нам верить или нет? А это ваше дело. Как вам ваша совесть подскажет. Я могу вам открыто сказать, поскольку мы сюда приехали как делегация коммунистической партии советской страны, а не покойного Берия, и не Ежова, и никакой любой другой твари. А, кроме того, вы знаете, как закончил жизнь этот авантюрист. Вы знаете, мы не христиане, которые стоят на молебне, но мы думаем, что мы люди, которые вовремя с ними разобрались и разбираются.... Вот Берия, который хотел продолжать в том же духе, и чем это закончилось? Тем, что Берия и Абакумов – покойники.... Вот эти вопросы. На эти вопросы не надо было просить у меня ответа, потому что вы сами на них ответите. Если это так, то почему вы качаете головой? А я вам вот что скажу, я клянусь не буду: «Богом клянусь, это никогда больше не повторится».¹¹ Очевидно, что Хрущев не мог не понимать «сомнительность» подобного рода ответов, однако, видимо, на тот момент окончательного решения ни о судьбе Коминформа, ни о новых формах организации сотрудничества компартий социалистических стран у него не было.

В ходе визита в Индию в декабре 1955 г. Н. С. Хрущева и председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина, как сообщается в «Информации ЦК КПСС Центральным комитетам коммунистических и рабочих партий стран народной демократии об итогах поездки Н. С. Хрущева и Н. А. Булганина в Индию, Бирму и Афганистан»: «Неру поставил вопрос о Коминфор-

В 2 т. Том 1: 1946–1964. Москва 2014.

11 Ибидем.

ме, о связях Компартии Индии с Компартией Советского Союза. Он заявил, что ему известно о личных связях некоторых руководящих представителей Компартии Индии с работниками ЦК КПСС, а также о крупных расходах, которые производит Коммунистическая партия Индии. [...] Неру затронул также вопрос о газете “За прочный мир, за народную демократию!”, заявив, что публикуемые в этой газете статьи рассматриваются коммунистами других стран в качестве директив для них. Хотя прямо Неру об этом не говорил, но смысл постановки им вопроса о Коминформе сводился к предложению ликвидировать эту организацию, как и газету “За прочный мир, за народную демократию!” Наши товарищи в соответствующей форме ответили доводы Неру, [...] они заявили, что КПСС не скрывает своего сочувствия коммунистам других стран. [...] Это сочувствие, как хорошо известно, имеет идеологическую основу. Что касается деятельности Коминформа, то с нашей стороны была подчеркнута особенно та мысль, что коммунистические и рабочие партии имеют не меньшее право создавать свои организации, чем, например, социалистические партии, создавшие так называемый “Социалистический интернационал”, или капиталисты, создающие свои международные организации». ¹² Как считает А. С. Стыкалин, «нервная реакция» Хрущева была обусловлена его неготовностью к публичному обсуждению дальнейшей судьбы Коминформа. ¹³ Соглашаясь с этим выводом необходимо констатировать. Что сам Хрущев интерпретировал свои высказывания несколько иначе. Выступая 6 января 1956 г. на Совещании руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии советский лидер подробно остановился на «инциденте», произошедшем в Дели: «Теперь я хотел бы сказать, почему мы так, если можно сказать, резко выступили на сессии и на пресс-конференции в Индии относительно Коминформа, как они называют... Нам необходимо было резко поставить в своем выступлении этот вопрос. Почему? Нам это опасно: просто ликвидация холодной войны, а буржуазия понимает это так, что значит мы отказываемся от марксистского учения, значит мы сдаем позиции. И они вас за руку схватят. Поэтому нам нужно было сказать: мы за сосуществование, а это значит признание наличия: вот социалистический строй, вот капиталистический, вот идеология коммунистов. Вы нас не можете ликвидировать, пока и мы вас не можем ликвидировать, поэтому сосуществуем. И резко об этом сказать. Я считаю, что это нужно и для компартий, это надо и для Компартии Советского Союза. Нужно знать, где грани для сосущест-

12 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ), ф. 3, оп. 10, д. 211, л. 17, 87–94.

13 Стыкалин, А. С.: Руководство КПСС в поисках новых механизмов, с. 11.

ования, как на практике это проводить. Это нужно, товарищи, для других братских компартий и для рабочего класса это нужно. Я считаю, что получилось очень хорошо. Пусть они приспособиваются к имеющемуся положению сосуществования».¹⁴ То, что в начале доклада Хрущев отвел столь значительное место объяснению своей позиции, говорит о том, что для него было принципиально важно быть правильно понятым в данном вопросе. Согласно интерпретации советского лидера, его слова вовсе не свидетельствовали о желании КПСС бороться за сохранение Коминформа, но должны были четко дать понять всему миру, что вне зависимости от дальнейшей судьбы этой организации ЦК КПСС ни при каких условиях не откажется от ведущей роли в мировом коммунистическом движении и использовании последнего в качестве своего инструмента в глобальной политике.

О перспективах Коминформа Первый секретарь ЦК КПСС определенно высказался на заседании Президиума 22 февраля 1956 г.: «Ликвидируем Коминформ».¹⁵ К заседанию от 22 февраля была представлена записка зав. отделом ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями Б. Н. Пономарева от 7 февраля.¹⁶ Отдел по связям с иностранными компартиями считал целесообразным использовать пребывание в Москве делегаций зарубежных партий, приглашенных на XX съезд КПСС, для обмена мнениями по некоторым принципиальным вопросам международного коммунистического движения, в том числе по вопросу о способах повышения эффективности Информбюро и новых формах контактов и связей между компартиями. Глава международного отдела ЦК КПСС предлагал провести в дни съезда беседы со всеми прибывшими делегациями компартий с целью выяснения соображений отдельных партий по назревшим общим проблемам коммунистического движения, пожеланий «о возможных формах и способах связей между компартиями в современных условиях». В записке содержалось также конкретное предложение об активизации контактов между компартиями на региональном уровне, т. е. по группам стран — напри мер, Латинской Америки, скандинавских стран, некоторых стран Западной Европы. Осуществление этой формы деятельности предполагало создание соответствующих региональных межпартийных структур. В ходе обсуждения на Президиуме ЦК КПСС 22 февраля А.И. Микоян, развивая положения, изложенные в записке, выдвинул идею создания региональных объединений, таких как объединение компартий стран, стро-

14 РГАНИ. ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 5.

15 См.: Стыкалин, А. С.: Руководство КПСС в поисках новых механизмов.

16 Президиум ЦК КПСС 1954–1958. Т. 1–3. Т. 2. Постановления ЦК КПСС 1954–1958. Москва 2006, с. 200–202.

ящих социализм; коминформ западноевропейских стран; коминформы северных стран, латиноамериканских стран, стран Юго-Восточной Азии. Предполагалось, что в каждом из региональных «коминформов» объединятся партии, перед которыми стоят общие или сходные задачи – строительства социализма, борьбы за права трудящихся в условиях развитых капиталистических стран, антиколониальной и антиимпериалистической борьбы в развивающихся странах, и т. д. Для того чтобы можно было работать на должном уровне со всеми этими региональными объединениями, предстояло, по мнению А.И. Микояна, усилить Международный отдел ЦК КПСС. Это предложение вызвало дискуссию, при этом никто из выступавших не высказался за сохранение прежней структуры в неизменном виде. Л.М. Каганович увидел преимущество в существовании двух различных структур, объединяющих компартии капиталистических и социалистических стран. В то же время М.А. Сулов, курировавший в Президиуме ЦК КПСС вопросы мирового коммунистического движения, отметил недостаток выдвинутой инициативы в том, что компартии соцстран Европы могут замкнуться на себя и утратить влияние на азиатские страны. Н.С. Хрущев поддержал идею региональных объединений, по его мнению, большинство партий, входивших в Коминформ, войдет теперь в «бюро контактов коммунистических и рабочих партий стран, строящих социализм». Выход ИКП и ФКП из этой структуры был бы целесообразен, так как перед этими партиями стоят другие задачи. КПСС должна была, полагал Хрущев, «контактировать между региональными объединениями», выступая в качестве посредника и оказывая необходимую помощь.¹⁷ Интересно, что идея «регионализации» коммунистического движения владела умами не только высшего политического руководства, но и представителей советских хозяйственников. Несколько позже, в 1961 г. заместитель председателя Совета Министров СССР А. Ф. Засядько, в записке, адресованной в ЦК КПСС,¹⁸ рассматривая перспективы развития взаимодействия с соцстранами подчеркивал, что к концу 1950-х гг. мировая социалистическая система представляла собой совокупность национальных экономических комплексов, каждый из которых развивался по собственному народнохозяйственному плану. «В перспективе необходимо было превращение разрозненных национальных экономик в единое хозяйственное целое, устранение межгосударственных экономических барьеров. На практике это означало, что хозяйственные связи внутри социаллагеря должны были складываться не из межгосударственных взаимоот-

17 Президиум ЦК КПСС, Т. 2. Постановления ЦК КПСС 1954–1958, с. 199–200.

18 РГАНИ, ф. 3, оп. 12, д. 539, л. 55–56.

ношений, а из отношений между отдельными экономическими районами единого мирового социалистического хозяйства». ¹⁹ Хотя эти предложения не получили дальнейшего развития, сами по себе они, видимо, отражали наметившийся сдвиг в приоритетах высшего советского руководства, в своем отношении к международному коммунистическому движению основной акцент в этот период сделавшему на взаимоотношения со странами «народной демократии».

28 марта, вопрос об Информбюро коммунистических и рабочих партий снова был включен в повестку дня заседания Президиума ЦК КПСС: рассматривались представленные М. А. Суловым и Б. Н. Пономаревым в ЦК КПСС проекты информационного сообщения о прекращении деятельности Информбюро, и способах информации «братских партий» об этом. Становилось очевидно, что вопрос о предстоящем упразднении Коминформа уже окончательно решен.

Параллельно с обсуждением ликвидации Коминформа в ЦК КПСС шел процесс выработки новых форм взаимодействия и сотрудничества, которые должны были прийти ему на смену. 31 декабря 1955 г. было принято Постановление Президиума ЦК КПСС «О подготовке к Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий стран народной демократии» на десятилетия задавшее вектор советской политики в отношении социалистического лагеря. Было решено 6 января 1956 г. созвать в Москве международное совещания коммунистических и рабочих партий стран народной демократии в ходе которого обсудить: а) экономическое сотрудничество; б) военные вопросы; в) внешнеполитические вопросы. Подготовка материалов по экономическим вопросам была поручена Микояну, по военным – Жукову, по внешнеполитическим – Молотову. Принципиально важно, что вопросы координации экономического сотрудничества социалистических стран, военного сотрудничества и проведения объединенной международной политики были тесно увязаны и рассматривались в едином комплексе, как составные части одного целого. Именно исходя из подобного видения ситуации в дальнейшем будет выстраиваться вся организационная структура определяющая взаимодействие стран «народной демократии».

5 января 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял постановление «О порядке работы Совещания представителей коммунистических и рабочих партий»

19 Пивоваров, Н. Ю.: Советские экспортно-импортные планы и их реализация: что продавал и что покупал СССР во второй половине 1950-х годов. Ин: Электронный научно-образовательный журнал «История» 2018. Т. 9, Выпуск 7 (71) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <https://history.jes.su/s207987840002410-0-2/> [19.11.2019].

в котором давалось указание разослать участникам Совещания подготовительные материалы для предстоящей работы: а) проект порядка работы Совещания; б) справку Главного управления по делам экономических связей «Вопросы экономического сотрудничества»; в) записку МИД по внешнеполитическим вопросам. В обширной справке Главного управления по делам экономических связей со странами народной демократии содержался анализ экономической ситуации в странах народной демократии и намечался ряд мер по выработке совместных планов развития «народного хозяйства». Авторы справки отмечали, что «вопрос о жизненном уровне населения в странах народной демократии имеет большое политическое значение; в сопоставлении с капиталистическими странами решается вопрос кто кого победит и в этом деле».²⁰ Однако, росту жизненного уровня мешал целый ряд накопившихся проблем: «из-за чрезмерно больших капиталовложений экономика ряда стран оказалась перенапряжённой. Одна из причин этого заключалась в том, что в странах, ведя большое строительство, иногда строили непродуманно... Слабым местом в экономике стран народной демократии является недостаточное развитие сырьевой базы основных отраслей промышленности. Особенно отстают такие отрасли как железорудная, каменноугольная, нефтедобывающая, а также сырьевая база цветной металлургии и химической промышленности... Серьёзные недостатки имеются в развитии машиностроительной промышленности. Эти недостатки заключаются не только в том, что в странах за последние годы мало делалось в отношении технического прогресса, обновления и модернизации на базе передовой техники основных фондов народного хозяйства, но и в том, что машиностроение развивалось без достаточной увязки между странами социалистического лагеря... Серьёзным недостатком в развитии промышленности является низкий рост производительности труда, прежде всего, как результат недостаточного технического прогресса... Урожайность зерновых культур в странах народной демократии, кроме ГДР и Чехословакии, не превышает 12–15 центнеров с гектара, что, в частности, связано с недостаточным применением минеральных удобрений».²¹ По мнению авторов документа, серьёзные недостатки возникли в использовании «созданных в странах мощностей оборонной промышленности», причины чего крылись в отсутствии должной «координации военного производства» из-за чего «каждая страна производила все виды вооружений и не было организовано разумное распределение труда между странами по производству вооружения».²² Главное

20 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 7.

21 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 10–20.

22 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 32.

управление по делам экономических связей со странами народной демократии было уверено, что «более высокий уровень работу по координации экономического развития стран социалистического лагеря, которая теперь является одной из важнейших государственных задач», а «увязка народно-хозяйственных планов стран социалистического лагеря должна способствовать тому, чтобы обеспечить независимость от капиталистического рынка».²³ Деятельность СЭВ, по мнению составителей Справки, оставалась ниже всякой критики: «эта организация до настоящего времени не обеспечила по-настоящему решения основных задач по вопросам увязки развития народного хозяйства стран», столь же нелестная оценка давалась национальным планово-экономическим структурам: «плановые органы, министерства и ведомства стран по существу стояли в стороне от работы по координации, не учитывали в достаточной мере необходимость согласованного развития народного хозяйства и не участвовали в разработке вопросов по более правильному использованию материальных ресурсов стран социалистического лагеря».²⁴ Для улучшения координации экономического развития советские специалисты считали необходимым «шире привлекать к работе плановые органы, министерства и ведомства стран и на них опираться. Что касается Совета Экономической Взаимопомощи, то он должен иметь небольшой аппарат, а основная работа по подготовке вопросов, рассматриваемых Советом, должна вестись совместно плановыми и другими экономическими органами СССР и стран народной демократии».²⁵ Таким образом, СЭВ отводилась подчиненная роль, а основной упор в развитии экономического взаимодействия социалистических стран делался на совместной работе национальных ведомств, отвечающих за вопросы экономики.²⁶

Особого внимания заслуживает подготовленная к Совещанию представителей коммунистических и рабочих партий Записка МИД СССР от 4 января 1956 г. в которой говорилось: «В условиях, когда западные державы стремятся всячески усилить деятельность всякого рода органов, созданных в системе НАТО, западноевропейского союза и других военных блоков, возникает необходимость активизировать деятельность организации Варшавского договора, в особенности ее политическую деятельность. В частности, желательно обсудить вопрос о целесообразности созыва в ближайшее вре-

23 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 33.

24 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 38.

25 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 39.

26 См.: Липкин, М. А.: «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н. С. Хрущев. Ин: Новый исторический вестник 2017, №4 (54), с. 121–144.

мя совещания стран-участниц Варшавского договора, на котором можно было бы обменяться мнениями о международном положении и задачах государств-членов Варшавского договора... На этом же совещании можно было бы также обсудить и некоторые организационные вопросы: создать предусмотренный договором политический комитет, утвердить состав военных органов, а также заслушать доклад о мероприятиях, проведенных по координации усилий наших стран в области обороны».²⁷ Вопросы экономической интеграции в этом документе напрямую увязывались с военной проблематикой. Участникам Совещания предлагалось одновременно не только обсудить увязку «народнохозяйственных планов» но, по сути, создать Политический Консультативный Комитет ОВД немедленно приступить к его работе и скоординировать «усилия в области обороны».

6 января 1956 года в 15.00 в Екатерининском зале Большого Кремлевского Дворца открылось Совещание руководителей коммунистических и рабочих партий европейских стран народной демократии в работе которого приняли участие Албанская партия труда, Болгарская коммунистическая партия, Венгерская партия трудящихся, Социалистическая единая партия Германии, Польская объединенная рабочая партия, Румынская рабочая партия, Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Чехословакии. Во вступительной речи Хрущев сразу обозначил свою позицию: интеграция стран социалистического лагеря – является приоритетной задачей: «Я хотел бы поставить вопрос о необходимости широкого кооперирования внутри наших стран, я хотел бы поднять такой вопрос и он нас главным образом побудил обратиться с письмом к коммунистическим и рабочим партиям, это вопрос, у нас сложилось такое мнение... Сейчас, если мы резко перестроим свою политику, – мы имеем возможность сдерживать агрессора против войны и создать нормальные условия для развития нашей науки и промышленности не только в Советском Союзе, но и в странах народной демократии тем более»²⁸ Судя по резкому тону его выступления, советский лидер хорошо понимал сколь много проблем накопилось в экономике социалистических стран и был открыт к поиску их решения: «Товарищи, чехи, страна индустриальная с высоким уровнем. Сейчас у вас не хватает жиров и других продуктов. В Польше и других странах то же самое. Следовательно, надо желание подчинить разуму, расчету, карандашу и действовать разумно. У нас для такого разумного распределения средства есть и возможности... Сейчас, составляя шестую пятилетку, мы учитываем потребности. Задача наша – не допустить повторения ошибок в развитии

27 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 11, л. 50.

28 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 7.

тяжелой промышленности, которые имели место в прошлом, когда мы их на ходу поправляли. Здесь мы не без греха и кое-что мы вам посоветуем. Например, посоветовали канал, очень нужный, надо было соединить Дунай с Черным морем. Это – тяжелейшая работа. Мы у себя Туркменский канал строили, кому он нужен, кому он приснился. Давайте, товарищи, сейчас этих глупостей не делать... Товарищи, мы ослабляем своих друзей. Надо, товарищи, разумно с этим поступить. Смотрите сейчас. Мы сейчас бьемся над тем, чтобы построить новые заводы, а промышленность Германской Демократической Республики имеет незагруженные мощности и площади на своих промышленных предприятиях. Разве это разумно? Можно объяснить это тем мотивом, что бояться, что эта промышленность близко к Западу. Так что же, товарищи, мы готовимся отступать от Запада или наступать на Запад? Думаю, что второе вернее... Такое же положение и с чехами... Есть у нас грехи и с производством боевой техники. Нужно обо всем этом подумать и посмотреть сейчас на это, потому что поляки, чехи производят машины, которые уже сняты с производства. Могут это объяснить так, что ведь может быть утечка и т.д. Но все-таки нужно производить не Ил-15, который давно не представляет ценности, и разумного в производстве такой техники мало. И так не только в самолетостроении, но и в артиллерии и в других отраслях военного дела. Мы делаем продукцию на склад. Техника, которую производят чехи и поляки, не отвечает уровню сегодняшнего дня. Мы ведь не собираемся воевать завтра, следовательно, время у нас есть, а то, что мы производим сейчас, можно сказать заранее, будет негодным для боя. Поэтому нужно пересмотреть нашим военным промышленникам свою продукцию. Правда, военные так считают, что чем больше, тем для них лучше. Но все эти вопросы нам нужно обсудить и правильно решить».²⁹

Точка зрения Хрущева нашла полную поддержку у лидеров социалистических стран. Пожалуй точнее всего настроение собравшихся передал первый секретарь ЦК СЕПГ В. Ульбрихт: «Превосходство лагеря социалистических государств может быть достигнуто лишь в том случае, если будут осуществлены тесное сотрудничество, а также в известной мере разделение труда. Невозможно построить социализм в народно-демократическом государстве лишь своими собственными силами. Мы бы хотели, чтобы совещанию были подготовлены некоторые материалы по организации экономического сотрудничества в европейском объединении угля и стали и в Североатлантическом блоке (НАТО). Из известных нам материалов вытекает, что империалистические великие державы по многим вопросам сотрудничают более организованно, чем мы в настоящее время. Сущест-

29 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 9–14.

вовавший ранее уровень технико-экономического сотрудничества между странами народной демократии привел в значительной мере к распылению сил... Экономическое сотрудничество стран народной демократии до сих пор еще не вышло за рамки обсуждения отдельных вопросов или же решения незначительных частных вопросов». ³⁰ Нетрудно заметить, что лидер восточногерманских коммунистов, по сути, подверг пересмотру известный сталинский тезис о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Теперь, с молчаливого одобрения всех собравшихся, Ульбрихт обуславливает дальнейшие успехи социализма с координацией усилий всех стран народной демократии, без которой не представляет движения вперед и в качестве примера приводит интеграционные процессы в Западной Европе, на которые призывает равняться. Член Политбюро ЦК БКП, председатель Совета министров Народной Республики Болгарии В. Червенков поблагодарил ЦК КПСС «за инициативу созыва настоящего совещания. О согласовании наших хозяйственных планов, о более точном определении экономики отдельных стран в соответствии с их внутренними возможностями в общих интересах социалистического лагеря до сих пор не было разговоров на эту тему. Настоящее совещание должно привести к более тесному согласованию наших стран с тем, чтобы более целесообразнее и эффективнее использовать наши внутренние силы, более целесообразнее направлять капиталовложения, осуществлять кооперирование производства, расширять взаимопомощь в нашем социалистическом лагере». ³¹ «Поставленные во вступительном слове тов. Никиты Сергеевича Хрущева вопросы, – заявил лидер венгерских коммунистов Я.Ракоши, – являются жизненно важными для дальнейшего развития народного хозяйства нашей страны.... рядом с многочисленными положительными моментами в работе СЭВа часто без должного основания затягиваются рекомендации, причем часто рекомендации носят очень неопределенную форму, а выполнение решений нередко задерживается... следует, прежде всего, поставить целью устранение этих узких мест. Для достижения этого необходимо гораздо более тесное экономическое и техническое сотрудничество». ³² А. Новотный от имени КПЧ заверил собравшихся в том, что: «Чехословакия приветствует предложение по координации и проведению специализаций производства военной техники и по созданию специальных комиссий, специалистов в области военной техники. Точно также Чехословакия на основе имеющегося опыта полностью согласна с тем, что необходимо координировать науч-

30 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 67.

31 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 71.

32 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 56.

но-исследовательские и конструкторские работы в области новой военной техники и в связи с координацией военной промышленности начать координацию мобилизационных планов народного хозяйства».³³ В том же духе выступили и остальные участники Совещания. Специалистам из национальных министерств и ведомств было поручено в кратчайшие сроки было поручено провести работу по «координации составления директив к разработке планов развития народного хозяйства». Венцом работы Совещания стало озвученное на последнем заседании, 11 января 1956 г., предложение Хрущева «обсудить вопрос о проведении заседания Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского договора»³⁴. Совещание решило заседание Политического Консультативного Комитета государств-участников Варшавского договора провести 11 января 1956 года в Москве (представителями СССР в ПКК ОВД были назначены В. М. Молотов и К. Г. Жуков).

Спустя полгода – 22–23 июня 1956 г. в Москве собралось очередное Совещание руководителей компартий социалистических стран которое должно было обсудить конкретные предложения по экономической интеграции социалистических стран, разработанные экспертами после январского (1956 г.) Совещания. На основании доклада «О решениях VII сессии Совета Экономической Взаимопомощи по увязке планов развития взаимосвязанных отраслей народного хозяйства стран-участниц СЭВ» участники Совещания должны были принять решения по восьми принципиальным вопросам: 1. О загрузке машиностроительной и оптико-приборной промышленности стран-участников СЭВ; 2. Об обеспечении черной металлургии стран народной демократии рудой, коксующимся углем и коксом; 3. О развитии угольной промышленности в странах народной демократии и прежде всего в Польше для полного удовлетворения стран-участников СЭВ энергетическим углем; 4. О развитии сельского хозяйства в странах народной демократии; 5. Об увязке планов других отраслей промышленности (цветная металлургия, нефтяная и газовая, химическая, текстильная и кожевенно-обувная промышленность) стран-участников СЭВ на 1956–1960 гг.; 6. О подготовке введения в действие многостороннего клиринга в расчетах между странами-участниками СЭВ; 7. Рассмотрение программы работы постоянной Комиссии по обмену электроэнергией между странами-участниками СЭВ и использованию гидроресурсов Дуная; 8. О создании в рамках СЭВ постоянных отраслевых комиссий по экономическому и научно-техническому сотрудничеству из представителей министерств и ведомств заинтересованных стран.

33 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 81.

34 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 1, л. 118.

Если на предыдущем Совещании лидеры социалистических стран были солидарны в решении о необходимости тесной экономической интеграции, то теперь, когда дело дошло до обсуждения деталей, затрагивающих кровные интересы стран народной демократии, от былого единства не осталось и следа. Тон дискуссии задал представитель Венгрии Э. Герэ «Снабжение коксующимся углем и вообще углем для Венгерской Народной Республики является основным вопросом развития народного хозяйства... Если мы правильно поняли (Венгерская делегация) товарища Ярошевича, то даже по сравнению с тем, что Польская Народная Республика взяла на себя как обязательство и собирается добыть меньше угля в 1957–59 гг., даже то, что польские товарищи обещали означает для экономики Венгерской Народной Республики очень большие трудности, означает, что мы должны коренным образом переделать наш пятилетний план и в то же самое время снизить те скромные показатели увеличения жизненного уровня нашего народа, которые мы имеем... По поводу цветной металлургии, цветных металлов. Мы не выдвинули новых претензий, но надо сказать, что касается меди, Венгрия находится в очень невыгодном положении среди всех стран народной демократии. Пропорционально мы больше всех стран ввозим меди из капиталистических стран. Поэтому, хотя мы претензий и не выдвинули, то поставили вопрос, чтобы в корне пересмотреть его и нам помочь в этом деле».³⁵ Венгерского коллегу поддержал председатель Госплана ЧСР Шимунек: «Очень важным считаем заявление т. Ярошевича о том, что они дадут меньше угля Чехословакии. Чехословакия окажется в состоянии осуществить обмен коксующимися углями с Польской Народной Республикой в том случае, если Польша выполнит те рекомендации, которые были договорены раньше».³⁶ Лидер болгарских коммунистов Т. Живков заявил, что «учитывая ограниченные возможности нашей экономики и то обстоятельство, что наша страна сама получает значительный кредит для своего развития, мы просим, чтобы Народная Республика Болгария была освобождена от обязанностей участвовать во вкладе 40 млн. рублей в развитие каменноугольной промышленности Польши».³⁷ В свою очередь польская делегация перешла в контрнаступление: «Я думаю, – сказал Охаб, – что... из претензий к полякам угля не будет... Я думаю, что в 1960 году мы не сможем дать 110 млн. тонн каменного угля, а есть большая опасность, что мы не сумеем дать и этих 110 млн. тонн... Нам не хватает 2,5 млн. тонн угля. Мы снимаем на ходу из экспорта. Это тяжело обрушивается на все наше хозяйство, нам

35 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 12–15.

36 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 20.

37 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 28.

очень тяжело. Не во время подготовили документы, не ознакомили товарищей и поэтому ныне такие претензии, что плохо работают или что плохие интернационалисты и не считаются с трудностями других стран».³⁸

Даже вопрос о распределении оборонных заказов, бывших скрытой формой дотации социалистических стран и игравший роль своеобразного «пряника» в советской политике, на этот раз не смог «укрепить единство» собравшихся. На заседании, проходившем 23 июня под председательством Живкова, в ходе обсуждения доклада «О плане военного производства и взаимных поставок военной техники стран-участников СЭВ 1956–65 гг.» выявились острые противоречия. Как явствует из стенограммы «Ракоши... сказал, что договоренность о взаимных поставках военной техники, состоявшаяся в мае месяце с.г., уже несколько изменена в отношении Венгрии. Мы в Венгрии определили цифры военного производства до 1960 года в соответствии с майскими соглашениями, однако некоторые страны уже после договоренности уменьшили свои заявки на поставку военной техники из Венгрии, что отрицательно сказывается на нашем балансе... с загрузкой промышленности дело у нас продолжает оставаться неблагоприятным... Если загрузка нашей военной промышленности не улучшится, она вынуждена будет переходить на ширпотреб... Тов. Охав, обращаясь к тов. Ракоши, спрашивает, какие страны уменьшили заказы против соглашения. Тов. Ракоши ответил, что такими странами являются Болгарская Народная Республика и Румынская Народная Республика... председатель Госплана Польской Народной Республики т. Шир... отметил, что... проведено много заседаний и на каждом из них вносятся все новые и новые изменения. Заказы польской военной промышленности со стороны Чехословакии, Венгрии и Румынии после майского совещания сократились. Это отрицательно сказывается на нашем платежном балансе».³⁹

По большинству проблем, вынесенных на Совещание, выработать консолидированную позицию не удалось, в результате собравшимся приходилось принимать однотипные решения: «учитывая, что предложения... окончательно со странами не согласованы и, как выяснилось на настоящем совещании, нуждаются в исправлениях, поручить продолжить разработку предложений по этому вопросу и окончательно согласовать между всеми странами».

В результате возникших споров Хрущев был вынужден отказаться от обсуждения крайне значимого для него вопроса «о формах контактов между коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран»,

38 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 12, л. 54.

39 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 14, л. 3–7.

обсуждение которого было намечено еще на прошлом (январском) Совещании. Ссылаясь на то, что «наши противники попытаются использовать создание такого органа для клеветы на наши партии», а так же на то, что «имеются некоторые слои интеллигенции и всякого рода обыватели, которые создание постоянного органа по связям между коммунистическими и рабочими партиями используют для клеветы на нас. Будут говорить, что раньше был Коминтерн, затем Коминформбюро, а теперь создали бюро контактов»⁴⁰ советский лидер снял этот вопрос с обсуждения, ограничившись проведением решения об издании совместного теоретического журнала.

Следующее совещание было проведено в Москве 24 октября 1956 г., в момент разразившегося кризиса в Польше и на второй день после начала Венгерской революции. В этой ситуации вопрос о дальнейших взаимоотношениях стран социалистического лагеря приобретал первостепенное значение. До некоторой степени ответом на него должна была служить Декларация правительства СССР об отношениях между социалистическими странами, опубликованная в Правде 31 октября 1956 г., в которой советское руководство обещало соблюдать суверенитет стран народной демократии.

Обсуждение вопросов взаимоотношений стран социалистического лагеря было продолжено при подготовке и по ходу работы Международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий в Москве в ноябре 1957 г. (14–16 ноября проходило так называемое совещание в «узком составе», в котором принимали участие представители компартий социалистических стран, 16–19 ноября состоялось «широкое совещание» с участием представителей компартий капиталистических стран). По словам А.С. Стыкалина «инициатором основных дискуссий выступила делегация ПОРП, на всех этапах подготовки и работы московских совещаний продемонстрировавшая особую позицию по целому ряду принципиальных вопросов.... Представители ПОРП инициировали так же дискуссию о том, надо ли включать в итоговую Декларацию совещания положение о существовании социалистического лагеря во главе с Советским Союзом. Именно этот вопрос оказался наиболее спорным. Польская делегация считала включение названного тезиса тактически не верным, ибо оно могло быть воспринято как возвращение старых – сталинских и коминформовских методов.... Не получило одобрения ПОРП и предложение наделить КПСС полномочием периодически созывать совещания братских партий. Со своей стороны польские представители предлагали принять резолюцию о том, что созываемые в будущем совещания бу-

40 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 14, л. 13.

дут носить консультативный характер и их решения не будут для всех обязательными».⁴¹

Любые попытки поставить под сомнение (даже по тактическим причинам) ведущую роль КПСС в международном коммунистическом движении рассматривались в Москве не иначе как «подрыв основ» и воспринимались крайне болезненно, а предложения ПОРП относительно Совещаний коммунистических и рабочих партий, по сути, превращали их в ни к чему не обязывающие, проводимые время от времени «товарищеские посиделки» лишённые всякого политического смысла. Выстраиваемая с таким трудом советским политическим руководством многоуровневая структура кооперации стран народной демократии, долженствовавшая придти на смену Коминформу, из-за особой позиции ПОРП, сводилась на нет. Хрущев оказался на грани крупнейшего внешнеполитического поражения. Для Первого секретаря ЦК КПСС положение осложнялась тем, что Июньский (1957 г.) Пленум ЦК КПСС, хоть и осудивший «антипартийную группу», показал шаткость позиций советского лидера на внутривнутриполитической арене. В этой критической ситуации руку помощи Хрущеву протянул Мао Цзэдун, поддержавший позицию КПСС в дискуссиях, разгоревшихся на совещании.⁴² В результате было принято компромиссное решение: в итоговой Декларации совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран (Москва, 14–16 ноября 1957 г.) тезис о ведущей роли КПСС был «приглушен», а наделение советского руководства правом созывать подобные совещания социалистических стран хоть и было принято, однако его было решено не придавать огласке.

До некоторой степени нивелировать возникшие противоречия удалось в Москве 20–23 мая 1958 г. на Совещании представителей коммунистических и рабочих партий стран-участниц СЭВ плавно перетекшем 24 мая в Совещание ПКС стран-участниц Варшавского договора. Если на заседании ПКС, в основном обсуждались военно-политические вопросы: вывод советских войск из Румынии, состояние боеготовности вооружённых сил ОВД, новые инициативы советского правительства по созыву международного совещания для обсуждения коллективных мер европейской безопасности и т.п., то одной из ключевых тем Совещания СЭВ стал вопрос «Об увязке планов производства оборонной промышленности и взаимных поставок военной техники». Были приняты льготные кредитные условия поставок военной техники на период 1959–1969 гг., проведена специали-

41 Стыкалин, А. С.: Руководство КПСС в поисках новых механизмов, с. 36–38.

42 Подробно об этом см.: Стыкалин, А.С. Руководство КПСС в поисках новых механизмов, с. 28–45.

зация оборонных отраслей промышленности и предусмотрены гарантии и санкции на случай одностороннего отказа от заключенных соглашений. Как это часто случалось, решение вопросов коллективной безопасности и развития оборонно-промышленного комплекса позволило укрепить единство коммунистических режимов. Если на июньском совещания 1956 г. было решено, что в настоящих условиях нет необходимости в создании нового постоянно действующего органа по связям компартий социалистических стран на подобии Коминформа, то теперь, де-факто, на его смену приходила более сложная и разветвлённая система, включавшая в себя Совещания СЭВ, ПКК и совещания «братских партий» причем вопросы обороны и развития военной промышленности выходили на первый план, играя роль одного из важнейших объединяющих факторов. В 1955 г. Хрущев, кажется, вполне серьезно говорил Тито: «мы бы и хотели предложить создание органа европейской безопасности с участием Америки. Сейчас мы в качестве противовеса создали Варшавский договор – Союз государств европейской безопасности. Он открыт для всех государств, которые бы хотели к нам присоединиться. Если бы сейчас мы могли договориться с европейскими странами: Англией, Францией и США, а также и с другими государствами (а сейчас, прямо скажем, существует свара только между четырьмя государствами, а так бы большую роль играли бы и другие европейские страны), которые, мы согласны, чтобы они распустили НАТО. А мы бы распустили варшавскую организацию, которую мы только что создали, с тем, чтобы создать единую европейскую организацию. (Товарищ Тито вставляет: Значит, ликвидировать блоки?). Да, ликвидировать блоки. Да, это наша позиция».⁴³ Теперь об этом не могло быть и речи. Напротив, все силы Хрущев направляет на развитие институтов, цементирующих социалистический лагерь, Варшавский блок.

При этом советский лидер прекрасно сознавал, что существует значительное число объективных причин, «взрывающих» изнутри «его империю». В качестве одного из основных препятствий на пути интеграции социалистических стран Хрущев называл сложность сглаживания противоречий между национальными интересами каждой из стран участниц («буржуазный национализм» на языке Хрущева). Работая над выступлением, подготовленным для него аппаратом ЦК КПСС к совещанию первых секретарей ЦК братских партий и глав правительств стран СЭВ 25 июля 1963 г. Хрущев обозначил несколько волновавших его вопросов, обсудить которые он считал необходимым. В числе первоочередных значилось расхождение

43 Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. В 2 т. Том 1: 1946–1964. Москва 2014.

в понимании задач кооперации: «Несогласия по отдельным вопросам или расхождения, – писал Хрущев, – могут быть, потому что внутри совнархоза одной страны такие расхождения бывают, а между нами в этой важнейшей части нашей политической деятельности – экономической – (а это основа нашей социалистической идеологии), тут много форм, много возможностей и много может быть разного понимания, разного подхода, не всегда другой раз мы можем учесть национальные особенности той или иной страны и поэтому нельзя проявлять сразу нетерпение и форсировать эти разногласия и вводить их в политическую степень».⁴⁴

Однако серьезность нараставших словно снежный ком противоречий, в конечном счете не давших воплотить в жизнь идеи Хрущева по реформированию СЭВ⁴⁵ не могла укрыться от советского лидера. Процесс мучительной рефлексии Первого секретаря ЦК КПСС хорошо виден по «Высказываниям Н.С. Хрущева о теоретической разработке вопросов взаимоотношений между социалистическими странами» от 13 мая 1963 г. Этот документ относится к особому типу материалов ЦК КПСС – так называемым «Диктовкам Первого секретаря» – появившимся в период правления Хрущева. Советский лидер периодически собирал особо приближенных к нему лиц и в свободной форме делился с ними своими мыслями по тем или иным ключевым проблемам внутренней и внешней политики. Высказывания «первого лица» записывались и позднее перерабатывались аппаратом ЦК КПСС в официальные документы («записки»), выносившиеся на рассмотрение Президиума ЦК КПСС (иногда даже не от имени Хрущева, а за подписью других лиц, которым поручалось «выступить по назревшему вопросу» «со своими» предложениями). 13 мая 1963 г., чтобы «обсудить» взаимоотношения стран народной демократии советский лидер пригласил к себе: Ю.В. Андропова (Секретарь ЦК КПСС, заведующий отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран), О.А. Трояновского (помощник по внешнеполитическим вопросам председателя СМ СССР), В.С. Лебедева (помощника Первого секретаря ЦК КПСС), Г.Т. Шуйского (старший помощник Первого секретаря ЦК КПСС). По мнению советского лидера страны народной демократии переживали «переходный период»: «Сейчас, так сказать, переходный период, он требует теоретической разработки. При Сталине один был период. Одна была социалистическая страна, был Коминтерн, куда входили представи-

44 РГАНИ, ф. 10, оп. 1, д. 457, л. 40.

45 Подробно об этом см.: Липкин, М. А.: «Мировой кооператив народов»: Совет Экономической Взаимопомощи, который пытался построить Н.С. Хрущев. Ин: Новый исторический вестник 2017, №4 (54), с. 121–144.

тели всех коммунистических партий. Сталин малейшую оппозицию, у кого замечал, уничтожал. Поэтому-то он в 1937 г., собственно, обезглавил все коммунистические партии... И, с другой стороны... Советский Союз был единственной социалистической страной и никто не мог и оказать материальной помощи». ⁴⁶ Особенностью этого переходного периода, согласно Хрущеву является то, что, с одной стороны, появились социалистические страны, способные «существовать в пределах своих границ», а, с другой, рост «национализма» в руководстве коммунистических партий стран народной демократии и возникающие на этой почве разногласий с КПСС: «происхождение всех этих трений – это результат и недостаточной зрелости марксистско-ленинских вождей и руководителей, а я бы сказал, что главное это недостаточность и моральных качеств вождей, как коммунистов, потому что здесь интересы коммунизма в прямом столкновении... Следовательно, эти коммунисты идут против интересов коммунизма.... Это уже, так сказать, люди незрелые и поэтому у этих людей бацилла национализма сильнее, чем знание и миропонимание коммунистического развития.... Вот теперь мы с Румынией сталкиваемся... Но здесь проявлен самый грубый национализм и ограниченность, ограниченность просто, как говорить, тьма... Как же коммунизм? Следовательно, будет албанский коммунизм, румынский коммунизм?! Это тогда люди просто не мыслят, что такое коммунизм и как он возможен». ⁴⁷ «Это звериный национализм, это ограниченность, даже не коммунистическая, а это националистическая ограниченность. И все это обволакивается пленкой каких-то идей, покушение, вторжение, непризнание. Все это чепуха. Что нам от Румынии нужно? Что мы можем от Румынии получить в нашем желании? Ничего, кроме дружбы. И дружба эта требует от нас больших жертв. Они же не жертвуют для этой дружбы ничем... Вот все эти вопросы, – видимо, – это неизбежное явление, как говорить, родовые капиталистические пятна на нашем теле, на нашем сознании, и ничего не сделаешь, надо пройти этот этап. Он является этапом переходным, как переходный этап от капитализма к социализму, от социализма к коммунизму, так и переходный этап в психологии, в идеологии, в миропонимании, с тем, чтобы освободиться от наслоения, которое накладывает прожитое нами на человека». ⁴⁸ Таким образом, все объективные проблемы во взаимоотношениях социалистических стран советский лидер сводит к банальному национализму и «недостаточной партийной зрелости» элит правящих коммунистических режимов. При этом, обращаясь к марксистской теории сам

46 РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 457, л. 7.

47 РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 457, л. 8–11.

48 РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 457, л. 13–14.

Первый секретарь ЦК КПСС делает парадоксальный для «главного коммуниста» вывод: «Мы пользуемся сейчас общими положениями Маркса-Энгельса-Ленина. Но там даны общие довольно четкие разработки, но конкретно, конкретности там, конечно, быть не могло».⁴⁹ Выясняется, что, по мнению советского лидера, расставляя все точки над «i», марксизм не способен дать ответы на актуальные вызовы современности, а значит, как теоретическое руководство для практических действий не подходит и требует переосмысления... Нетрудно заметить, что перед нами, используя клише советской пропаганды, не что иное как «махровый ревизионизм», который любому другому человеку в рамках советской системы «стоил бы головы». Однако Хрущев на этом не останавливается, он последователен в своих рассуждениях. Раз марксизм больше не может служить надежным основанием для «реальной политики», значит, опору необходимо искать в иной плоскости: «Сейчас, когда мы имеем реальную силу на стороне коммунизма, а не только идею и теорию, разработанную Марксом-Энгельсом-Лениным, а мы имеем ядерное оружие, ракеты, поэтому мы должны сейчас не только измерять силу своих голосовых связок, своего голоса, но за нашим голосом сейчас стоят ракеты... Так, как и Тито, когда был во враждебных отношениях с нами, он говорил, что если вас не будет, так мы не проживем после вас. И китайцы тем более... Но почему же он сейчас так ведет? А потому, что он учитывает, что силы Советского Союза колоссальны; силы империализма ослабли, и поэтому если он даже нас не поддерживая и мы сами существуя, он уже увидел: Америка биться нас».⁵⁰ Таким образом, на завершающем этапе своего правления, Хрущев пришел к циничному, но, во многом, соответствующему действительности выводу: единство социалистического лагеря базируется на военно-политическом могуществе советской ядерной сверхдержавы, а его будущее зависит от того, будут ли и в дальнейшем «за нашим голосом стоять ракеты»...

Автор выражает благодарность за поддержку в написании работы РНФ грант № 17-18-01728-П «Мировая система социализма» и глобальная экономика в середине 1950-х – середине 1970-х годов: эволюция теории и практики экономического и технологического лидерства СССР.

49 РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 457, л. 12.

50 РГАНИ, ф. 52, оп. 1, д. 457, л. 15–17.

Heirs to the Communist International. The abolition of the Communist Information Bureau and Establishment of the new system of subordination of the international Communist movement to the interests of the Soviet policy 1956–1970

In his study, the author analyses approaches of Soviet leaders leading to subordination of the international Communist and workers' movement as a whole as well as of individual Communist parties to the interests of the Soviet foreign policy. The attention is focused on the period after the abolition of the Communist Information Bureau in 1956, which the Soviet Communist Party leaders considered an inefficient tool for such a goal. It did not mean, though, that the Soviet regime went to liberalisation or that the Soviet leaders gave up to use the global Communist movement for their own interests. Searching for efficient tools and techniques lasted more than one and half decade, among others after the violent suppression of the reformist movement in Czechoslovakia in 1968. Its management was subordinated directly to central committee of the Soviet Communist Party. The system included international meeting of Communist and Workers parties, Political Consultation Committee of the Warsaw Pact member states, regular yearly informal consultations of European socialist countries that took place since 1970 each summer in Crimea. In comparison to the Communist International and to the Communist Information Bureau, the system of bilateral relation between the central committee of the Soviet Communist Party and the world Communist movement was more flexible and versatile and became a relatively efficient tool of the Soviet totalitarianism.

SEZNAM AUTORŮ

